

БОЙЦОВ МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор, декан Факультета гуманитарных наук, заведующий научно-учебной Лабораторией медиевистических исследований, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)

mboytsov@hse.ru

<https://www.hse.ru/staff/boytsov>

Средневековье – в «реальности» или только в нашем сознании?

Настоящая публикация представляет собой запись выступления на открытии конференции «Шестое Средневековье» 25 мая 2012 г.

Поиск ответа на вопрос «Что такое Средние века?» традиционно понимается как попытка определения некоего онтологического содержания «эпохи Средневековья», выявления специфических качеств, «имманентно» присущих этому тысячелетнему историческому периоду. Тем не менее, несмотря на значительные усилия, приложенные для этого исследователями последних столетий, дать сколько-либо убедительный универсальный ответ о «сущности Средневековья» так и не получилось. Вероятно, его и не существует: «Средние века» представляют собой не некое «объективное» явление, но инструмент мышления европейских интеллектуалов Нового времени. Сменявшие друг друга образы Средневековья – от Первого Средневековья гуманистов до послевоенного Пятого Средневековья – были для них, прежде всего, способом рассуждения о современности. На конференции предлагается обсудить, в чем заключаются характерные черты Шестого Средневековья, актуального сегодня, а возможно, и завтра; какие проблемы сегодняшней современности отражаются в сегодняшнем же видении средневековой истории, а также какое воздействие оказывают трансформации сегодняшнего общества на Средние века.

Ключевые слова: конференция; медиевализм; Средневековье; Шестое Средневековье.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бойцов М. А. Средневековье – в «реальности» или только в нашем сознании? [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). С. 169–178. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2019-2-boytsov>

MIKHAIL BOYTSOV

Doctor of Sciences (History), Professor, Dean of the Faculty of Humanities,
Head of the Centre for Medieval Studies, National Research University
“Higher School of Economics” (Moscow)

mboytsov@hse.ru

<https://www.hse.ru/staff/boytsov>

Middle Ages – In “Reality” or only in our Consciousness?

Current article grew from the speech at the opening of the conference “The Sixth Middle Ages or Why Do We Need the Middle Ages Today?”, 25th of May 2012.

Searching for an answer to the question “What are the Middle Ages?” is traditionally perceived as an attempt to define some ontologic substance of the “medieval era”, to figure out certain specific features inherent for this millenary historical period. Nevertheless, despite all the efforts of the academics of the late centuries, no convincing explanation of the “essence of the Middle Ages” was given. Perhaps, it does not exist at all as the Middle Ages are not an “objective” phenomenon but an instrument of the Modern European intellectuals’ reflections. The alternate images of the Middle Ages, from the First Middle Ages of the Renaissance humanists to the Fifth Middle Ages after the World War II, were preeminently a way of thinking about the contemporaneity. The conference offers a discussion of specific features of the Sixth Middle Ages which is actual today and maybe even tomorrow, contemporary problems defining our vision of the Middle Ages, and effects of the transformations of the present-day society on the Middle Ages.

Key words: conference; medievalism; Middle Ages; Sixth Middle Ages.

FOR CITATION

Бойцов М. А. Средневековье – в «реальности» или только в нашем сознании? [Digital Resource] [Boytsov M. Middle Ages – In “Reality” or only in our Consciousness?] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). P. 169–178. URL: <http://voxmediiavei.com/2019-2-boytsov>

Средневековье — в «реальности» или только в нашем сознании?

Сравнительно недавно — в 2008 г. — в Институте всеобщей истории Российской академии наук прошло весьма содержательное обсуждение вопроса: «Что такое Средние века?». Подробный отчет о нем опубликован¹. Новую дискуссию предполагается построить на совершенно иных исходных допущениях. Прежде всего откажемся, пусть на время, от то и дело повторяющихся, хотя, похоже, безнадежных, попыток определить *онтологическое* содержание «эпохи Средних веков», некое специфическое качество, якобы «объективно» и «имманентно» присущее тысячелетнему периоду истории Европы (или, как считают некоторые, Евразии, а то и всего мира). Главную черту, конституирующую Средневековье, усматривали то в особенностях хозяйства и правах собственности, то в культуре вообще и в религиозности в частности, то в структуре элит и организации военного дела, то во взаимоотношениях индивида и сообщества, то в ментальности, то в демографических процессах и так далее. Хотя эрудиции и остроты ума в разысканиях такого рода за последние двести лет было проявлено невероятно много, а сами разыскания весьма способствовали развитию медиевистики, да и исторического знания в целом, скольконибудь убедительного универсального ответа о «сущности Средневековья» они — признаемся хотя бы в своем узком кругу — так и не дали. Те же критерии, что порой предлагались и даже на первых порах казались хорошо обоснованными, на поверку либо оказывались частностями, а не константами, либо требовали стольких уточнений и ограничений, что уже в силу одного этого постепенно сами собой утрачивали

1. Второй день: Что такое Средние века? // Средние века. Вып. 70 (1–2). М., 2009. С. 45–97.

статус «эпохообразующих». Не стали исключением и все последовательно сменявшие друг друга с XVIII в., весьма отличные друг от друга концепции знаменитого «феодализма»². Итогом прилежных стараний академической медиевистики объяснить, «что такое» Средние века, сегодня является очевидность не только отсутствия убедительного толкования «сущности Средневековья», но и того, что не стоит ожидать его внезапного обретения и в будущем.

Более того, вероятно, такого универсального объяснения не может быть в принципе. Задача конференции состоит в том, чтобы проверить обоснованность или ошибочность принципиально иного, чем обсуждалось до сих пор, взгляда на Средневековье. «Средние века» — это важный *инструмент мышления* новоевропейских интеллектуалов, при помощи которого они определяли *собственную* эпоху, выражали свое отношение к ней, старались на нее в меру сил воздействовать. «Средневековья» как сколько-нибудь целостного периода в истории Европы, судя по всему, никогда не было; вместо него через новоевропейскую культуру прошла череда сменявших друг друга и накладывавшихся один на другой *образов* такого периода. «Средневековье» со всей его «сущностью» относится, таким образом, всецело к явлениям Нового времени, — однако не по причинам астрономически-хронологического свойства, как в построениях адептов «Новой хронологии», а в силу того, что оно с самого начала было немаловажным элементом исторического воображения европейцев «постсредневековых» столетий. Следя за сменой исторических образов Средневековья, несложно понять, сколь по-разному их создатели оценивали времена, в которых им самим довелось жить, и что за проблемы собственной эпохи воспринимались ими всякий раз как жизненно важные. Именно эти заботы они и транслировали в «свои» Средние века.

Одно, впрочем, оставалось неизменным: образованные европейцы во все времена признавали фундаментом своей цивилизации Античность, а в греко-римской культуре видели ось собственного интеллектуального мира. Конечно, образы Античности тоже вполне динамично трансформировались в соответствии со сменой «ведущих вопросов» в новой

2. Новейшие обсуждения понятия «феодализма» также не дают никаких оснований переоценивать значимость этого понятия: Феодализм. Понятие и реалии / под ред. А. Я. Гуревича, С. И. Лучицкой, П. Ю. Уварова. М., 2008.

Европе. Пределы таких мутаций всегда были жестко определены: новоевропейское сознание органически не в состоянии, например, представить Античность в качестве провала, сугубо отрицательно оцениваемой стадии своего становления, зато суммарная характеристика столетий, отделивших собственное время европейских интеллектуалов от «нормативной» Античности, в данной системе ценностей не была определена, а потому могла меняться с очень высокой степенью свободы в зависимости от тех или иных актуальных обстоятельств. Именно аксиологическая недетерминированность в европейской культуре памяти столетий, последовавших за «падением Рима», обеспечила Средневековью столь яркую и столь контрастную карьеру в Новое время.

Средневековье — это целая серия сменявших один другой эскизов, набрасывавшихся несколькими поколениями новоевропейцев вовсе не с прошлого, а с самого что ни на есть настоящего — ради того, чтобы его понять, возвеличить, осудить, наставить, предостеречь, преобразовать, высмеять... Можно сказать и иначе: Средневековье — это всякий раз тот «Другой», без сопоставления с которым новоевропейцу нельзя было определить свое собственное цивилизационное «Я», поскольку любая идентичность, как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообществ, может быть выстроена лишь через выявление отличий от разного рода «Иных». Но при этом Средневековье — это такой «Другой», который не существует сам по себе, а всякий раз создается заново тем самым, постоянно меняющимся, новоевропейским «Я» в ходе непрерывного процесса его рефлексии и самоидентификации. Средневековье никогда не было сколько-нибудь равным соперником Современности, с самого начала оно являлось всего лишь его партнером. Поскольку же таких партнеров со временем заменяли на новых, хотя и не забывали совсем об «отставниках», будет правильнее сравнить сегодняшнее Средневековье с целым клубом заслуженных, но все еще бодрящихся спарринг-партнеров Современности. Многие уже на пенсии, но другие вполне активны.

Средневековье изначально являлось сугубо «интеллигентским» изобретением. Ренессансное представление о «сегодняшнем» расцвете изящной словесности по контрасту

с упадком таковой в «среднем веке» рождено амбициями новой тогда группы интеллектуалов, жаждавшей потеснить истеблишмент и добиться места под солнцем социальных благ. «Новые» — это, прежде всего, придворная канцелярская братия, хорошо владевшая пером, но не имевшая, помимо такого мастерства, весомых козырей для общественного подъема. В таком случае истеблишмент — это богословы, юристы и медики, держатели хороших пребенд и получатели солидных вознаграждений: именно против них (а не против завоевателей-готов и иных германских варваров) была направлена скрытая или явная критика глубокого «упадка», якобы предшествовавшего выходу на историческую сцену специалистов в области *studia humanitatis*.

Если Первое Средневековье — Средневековье гуманистов — было вызвано к жизни появлением протоинтеллигенции с ее социальными запросами, то Второе Средневековье — реформаторов и контрреформаторов, Магдебургских центурий, Чезаре Баронио, болландистов и даже еще Мабильона — сопровождало глубокую трансформацию европейских элит и структур власти на протяжении XVI–XVII вв., приведшую к кардинальному перераспределению церковного и светского компонентов в социальном и интеллектуальном мире Европы.

Третье Средневековье — просветителей — показало, что новая генерация европейских «профессиональных интеллектуалов» (не менее амбициозных, чем их предшественники-гуманисты) хотела видеть в себе пусть и немногочисленных, но исключительно прогрессивных носителей принципов разума, светскости и интеллектуального космополитизма, бросающих вызов всей косной толще старой элиты, насквозь проникнутой духом *féodalité*.

Четвертое Средневековье — задуманное поэтами и выстроенное университетскими профессорами, напуганными «крайностями» революций и считавшими первейшим долгом служить своему национальному государству, — отразило характерные для XIX в. процессы аграрных преобразований, урбанизации и индустриализации, распада традиционных жизненных укладов, секуляризации сознания, распространения либеральных и социалистических идей. Кстати, дольше,

чем в иных краях, Четвертое Средневековье продержалось в нашей отчизне, поскольку на протяжении большей части XX в. страну искусственно изолировали от мировой интеллектуальной жизни.

Крайне пестрое послевоенное Пятое Средневековье, пожалуй, можно условно назвать «социально-культурным» (по контрасту с предыдущим Четвертым, во многом «национально-государственным»). При всем его разнообразии тон в Пятом Средневековье задавали интеллектуалы преимущественно левых взглядов, получившие преобладание в ходе послевоенной демократизации всего европейского общества, системы образования в целом и университетов в частности. Благодаря им Пятое Средневековье стало не в последнюю очередь эпохой «безмолвствующих», женщин, паломников, визионеров и всяческих маргиналов — прокаженных, преступников, наемников. Благодаря им же в Пятом Средневековье на первые роли вышли (в противоположность Четвертому) не «общие принципы», «идеи» и «закономерности развития» (раскрывающие то ли божественный замысел, то ли еще более таинственный «исторический процесс»), а очень земные проблемы человеческого существования, тяготеющие скорее к бытовой повседневности, чем к возвышенной историософии. Следствием демократизации послевоенной университетской и академической жизни стало и многократное (по сравнению со «старыми добрыми временами») увеличение числа профессиональных медиевистов — историков, филологов, искусствоведов.

В отличие от создателей Четвертого Средневековья авторы Пятого видели в себе, как правило, не особую разновидность чиновников на службе государству, а, напротив, более или менее критически настроенных оппонентов государственному чиновничеству. Поскольку же в этой среде постоянно усиливался международный диалог, Пятое Средневековье оказалось не только значительно менее этатистским, но и куда менее национально-патриотическим, чем Четвертое. Четвертое Средневековье предоставляло четкие рекомендации для сегодняшних, притом весьма решительных политических действий (сражение под Седаном — пример выполнения одной из таких рекомендаций); Пятое же

подчеркивало бесконечную сложность человеческого существования, делающую неправомерными любые попытки универсальных «управленческих решений». И в этом отношении оно проявило себя гуманистичнее своего предшественника, что и неудивительно для общества, с трудом перенесшего две мировые войны. Однако примерно настолько же ослабело внимание публики к Средневековью: одно дело, когда тебе объясняют, как именно ты должен строить свою жизнь, и совсем другое, — когда в твоём присутствии рассуждают, сколь жизнь многогранна и неоднозначна.

Наша конференция посвящена обсуждению характерных черт *сегодняшнего* Средневековья — будь оно все еще Пятым или, быть может (что оказалось бы намного интереснее), уже неким незаметно пришедшим тому на смену Шестым. В любом случае, вопрос состоит в том, в чем заключаются характерные черты образа Средневековья, актуального не столько еще вчера, сколько уже сегодня, а возможно, и завтра. Какие именно кардинальные проблемы сегодняшней Современности (или же Постсовременности, если неуклюже перевести на русский все еще модное западное словцо) отражаются в сегодняшнем же видении средневековой истории? Или, может быть, они недостаточно отражаются, а то и не отражаются вообще, что грозит, между прочим, исчезновением Средневековья из традиционного набора инструментов рефлексии европейской культуры — впервые за последние двести лет? Или же такие опасения сильно запоздали, и строящаяся глобальная деревня уже вовсе не нуждается в традиционной форме самоидентификации посредством сугубо европейской системы образов «краеугольной» Античности и «гибкого» Средневековья? Может, ей намного лучше подходят не исторические, а квазиисторические нарративы, вроде «Властелина колец»? Правда, авторы такого рода нарративов охотно используют, помимо прочего, пусть трансформированные, но все же легко узнаваемые средневековые образы: не могут ли хотя бы они подсказать медиевисту, в каком именно Средневековье нуждается сегодняшний мир?

Хочется надеяться, что он в нем все еще нуждается — во всяком случае, если судить по тому, что маркетизированная

версия Средневековья по-прежнему пользуется популярностью, притом в широком спектре образов: от идиллически-патриархального, наивного и чудаковатого в своей простоте, почти ностальгически-руссоистского (вспомним свежоотреставрированные очаровательные фахверковые городки) до брутально-садистского (теперь вспомним музеи пыток, без которых редко обходятся такие туристические местечки). Не тем ли мило нашему современнику столь контрастное Средневековье, что оно предъявляет ему сразу две эмоциональные крайности, отсутствующие в его собственной повседневности? Или же, судя по другим средневековым образам в массовой культуре, в первую очередь в тривиальной литературе и кинематографе, Средневековье ценно сегодня, прежде всего, как сокровищница загадок, тайных и утраченных знаний (король Артур, тамплиеры и прочее)? Иными словами, не выступает ли оно психологическим противовесом жесткому прагматизму в жизни сегодняшнего обывателя?

Или же дело еще серьезнее, ведь если до недавнего времени человечество во главе с европейцами последовательно шло по пути «расколдовывания мира», то в XX в. даже в европейской культуре обозначилась противоположная тенденция — к его ремистификации. Здесь-то у «таинственного» и «мистического» Средневековья есть хорошие шансы приобрести новую значимость в качестве носителя нерациональных (или, если угодно, сверхрациональных) форм восприятия и интерпретации бытия, тяга к которым даже у европейца никогда полностью не исчезала, а в последнее время заметно усилилась.

Только что сказанное относилось к расшифровке слов «зачем» и «сегодня» в заглавии конференции. Но не менее важно и слово «нам». Выше уже вскользь затрагивалась тема сообществ, которые конструировали образы Средневековья, и сообществ, в которых эти образы получали широкое распространение. Конечно, вряд ли кто-либо питает иллюзию, будто сообщество профессиональных медиевистов сегодня обладает монополией на производство образов Средневековья (правда, и вчера ему приходилось делить эту «лицензию» с поэтами, художниками, священниками, политиками и прочими иными). Однако существует ли само это профессиональное

сообщество либо оно давно уже неузнаваемо изменилось или распалось, притом не только у нас, но и по всему миру? И что представляют собой те «мы», которым Средневековье может быть сегодня зачем-то нужно? В XIX — начале XX в. таких «мы» проще всего было описать как сознательных, нередко даже высокоидейных (или, если взглянуть по-другому, индоктринированных) членов сообщества нации-государства. Однако вряд ли эти былые «мы» похожи на сегодняшних за-всегдаев разнообразных интернет-сообществ. Следовательно, неизбежно изменилось и само Средневековье — как уже существующее, так и еще только ожидаемое. Пригодятся ли Средние века «поколению пепси», помимо того, что они представляют разнообразный антураж для компьютерных игр? На какие их экзистенциальные вопросы будут даваться такие ответы, для подкрепления которых понадобится Средневековье? Или в таких ответах нужды более никогда не будет?

Итак, наша конференция посвящена характерным особенностям актуальных образов Средневековья, их создателям, нынешним и потенциальным «заказчикам» и «потребителям». Если совсем коротко, то она должна выявить, какое воздействие оказывают трансформации нынешнего общества (российского, европейского, всемирного) на Средние века, и этим наша конференция должна отличаться от всех тех, на которых выяснялось, в чем именно и в какой степени Средневековье повлияло на сегодняшнее общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Второй день: Что такое Средние века? // Средние века. 2009. Вып. 70(1–2). С. 45–97.
2. Феодализм. Понятие и реалии / под ред. А. Я. Гуревича, С. И. Лучицкой, П. Ю. Уварова. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2008.

* * *
* * *
*